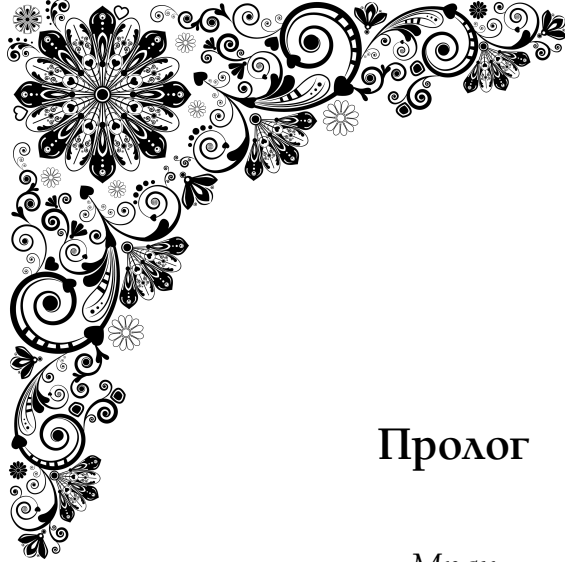

The background features a stylized, dark grey silhouette of a tree with many thin, branching limbs extending across the top and left sides. In the lower-left quadrant, a dark grey silhouette of a bird is perched on one of the branches, facing right. The overall aesthetic is minimalist and graphic.

ЛЕДЯНОЕ
СЕРДЦЕ

ХОЛОДНЫЙ
РАЗУМ

ПЫЛАЮЩАЯ
ДУША

Пролог

Мрак

В душе черная, клубящаяся тьма. Она уже давно не уходит. Сворачивается в груди, словно черная кошка, и заполняет собой все пространство, уничтожая страх, боль, разочарование и угрызения совести. Им больше нет места в теле, власть над которым захватили демоны. Остались только воспоминания о совершенно другой жизни, другом мире и обо мне. О том, кем я когда-то был. От прошлой жизни лишь осколки, и сейчас скроется под землей последний из них. Больше ничто не будет меня держать. Даже чувств почти нет, они замерли. Точнее, стали совсем другими, и боль отдается очень странно, демоны словно заглушают ее, впитывают в себя. Хотя я не просил их об этом. Мне бы хотелось оплакивать Дайану, хотелось бы винить себя в ее смерти, и отголоски сожаления, исходящие от демонов, — это совсем не те эмоции, которые мне нужны сейчас.

Я стою в стороне от траурной процессии. Словно дикий зверь, прячусь в тени деревьев. Не следовало приходить, но я не смог. То, что еще осталось в моей душе человеческого, тянет сюда. Я должен видеть. Должен понять, что все закончилось, что сердце молчит. Даже оно больше не принадлежит мне.

Но оно все равно сжимается, еще трепыхается и страдает. Эти чувства кажутся странными, мешающими. Хочется избавиться от них, заменив привычной чернотой. Но я сопротивляюсь. Мне нужно это страдание. В последнее время мне кажется, что демоны ограждают меня. Думаю, это их способ меня защитить. Они чувствуют себя виноватыми... нет, не за убийство. За то, что расстроили меня. Наверное, они как плохо обученные бойцовские псы. И это заставляет думать, что трагедия произошла не потому, что они во мне, а потому, что я не смог их обучить. Дурацкие мысли, дающие ложную надежду на то, что с демонами можно договориться.

Внешне остаюсь спокойным, смиряюсь с тем, что проиграл и теперь нахожусь во власти демонов, но, видимо, поглощенная черной магией душа все же бьется где-то внутри тела, ставшего для нее тюрьмой, и надеется на то, что все можно исправить. Все, кроме смерти.

Процессия малочисленна. Дайану хоронят на нашем «семейном» кладбище, за стенами замка. Тут почти нет снега, а земля не промерзала насквозь

из-за подземных источников. Предать тело земле можно только здесь. Нестройные ряды памятников, негаснущие магические светлячки и вековые деревья, словно обнимающие поляну, — тут должен был найти покой я, а не она. Это было бы справедливо и правильно.

«Спи спокойно, моя рыжая головная боль, моя лучшая ученица... Видят боги, я не хотел, чтобы так вышло... Я, пожалуй, любил тебя... Увы, я не успел понять, значение этого слова. Возможно, ты помогла бы мне разобраться, если бы я не оказался слаб. Всегда считал себя сильным, но не смог победить демонов, и сейчас во мне почти нет ничего человеческого. О том, что я сам жив, напоминает только разъедающая изнутри боль, но и она скоро исчезнет благодаря демонам. Они сожрут ее, как раньше сожрали радость, угрызения совести и остальные эмоции. Я стал другим, уже не человеком, и новое состояние не дает мне добровольно расстаться с жизнью. Перерождение началось, и я не понимаю, куда приведет этот путь. Видят боги, я бы хотел пройти его с тобой».

Я уйду самым последним. Провожу прощальным взглядом каждого из своих учеников, отдавая себе отчет в том, что, возможно, вижу их в последний раз. По крайней мере, так близко. Сначала Дайану, которая бледна и красива с огненными волосами в белоснежном платье. Не ее цвет, но такова

традиция: магов хоронят в белом. Особенно магов, павших в бою. Потом Кэвина, который зябко кутается в теплый плащ, — жаль, что я не смог подготовить своего преемника лучше. Ему будет сложно, но он так этого хотел. Интересно, как он справляется? Чувствует ли свою вину? А может быть, торжествует? А потом Дафну, которую под локоть поддерживает Маркус. Все же послушался и никуда не уехал или же вернулся? Ребекку — она появилась уже после того, как меня забрали из замка, Анабель и остальных. Они уходят медленно, словно не могут поверить в случившееся. Я тоже не могу. До последнего надеюсь, что этот грех не на мне. Дайана была сильной, я хотел бы, чтобы она выкарабкалась. Но мир жесток и ко мне, и к ней. У нашей истории нет даже условно счастливого конца. Возможно, если бы Дайана была жива, я бы смог продолжить борьбу со своими демонами. Но я убил ее и окончательно проиграл.

Я опускаю взгляд на свои руки, по которым бегут черные вены, и знаю, уже никогда и ничего не будет прежним. Это мой последний человеческий выход. Демоны рвутся на свободу, и у меня нет ни сил, ни желания их сдерживать. Они хотят убивать и готовы растерзать медленно возвращающуюся в замок процессию.

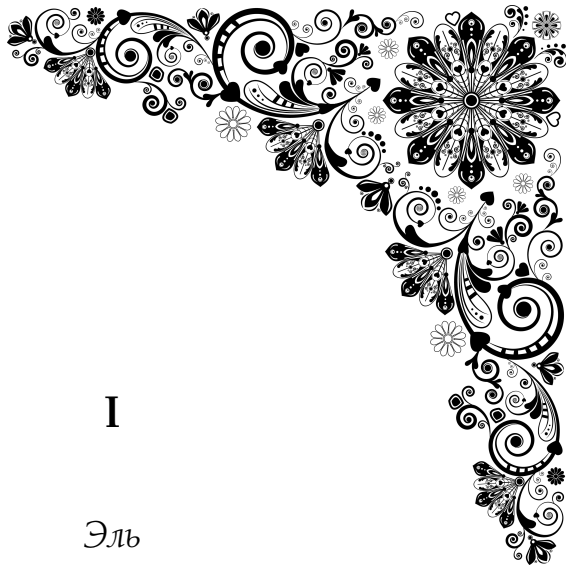
Я разворачиваюсь в сторону своих бывших учеников, но у ног раздается шипение. Опускаю взгляд

и поднимаю Пушистенку, который в очередной раз заставляет меня на короткое время прийти в себя. Он ненавидит демонов в моей душе, но все равно никуда не уходит, словно понимает: он — моя единственная связь с прошлым.

Кот позволяет взять себя на руки, перебирается ко мне на плечо и устраивается, словно воротник, на шее.

Я медленно выхожу из своего укрытия и двигаюсь к свежей могиле, украшенной цветами. Стою какое-то время, даже не чувствуя, что по щекам текут слезы и сразу замерзают кристалликами на коже.

— Мое сердце умерло вместе с тобой, — шепчу одними губами и кладу на комья промороженной земли красную розу. А потом разворачиваюсь и иду прочь, внезапно подумав, что на похоронах почему-то не видно Эля. Верный вампир исчез, как только понял, что объекта поклонения больше нет? Даже в душе такого монстра, как я, любовь держится дольше.

I

Эль

Ночь — лучшее время, а вот зима — совершенно точно нет. Светловолосый, совсем молодой парень кутается в мех и стремительно пробирается по сугробам, тараня их с настойчивостью, которой могут позавидовать многие. Его движения стремительные и легкие, нечеловеческие. Он бросил экипаж на дороге в нескольких километрах от замка и остальной путь проделывает пешком, чертыхаясь, иногда поскальзываясь на раскатанной дороге, но почему-то упорно сохраняя человеческую ипостась. У ворот замка сворачивает влево и минует редкий лесок, чтобы, нырнув между двух валунов, очутиться на маленьком неогороженном кладбище. Сугробы, окружающие почти не занесенный снегом пятак земли, отражают лунный свет, поэтому здесь достаточно светло. Из неживой, покрытой лишь тонким слоем инея земли на погосте торчат памятники. Не-

большие, все одинаковые. Им не пытались придать индивидуальность. Просто белые каменные валуны с датами. Но возле каждого горит магический огонек и стоят цветы. За местом ухаживают, не отдавая предпочтения никому из усопших.

Дайана не должна была оказаться здесь. Она достойна большего.

Эль огибаёт памятники и останавливается возле свежей могилы. Убирает букеты, откидывает в сторону одинокую, словно выпавшую из композиции, алую розу и опускается на колени, внимательно вглядываясь в замороженные комья земли, словно пытается найти в них ответы на вопросы мироздания. Страшно так, что леденеет в груди. Незнакомое, пугающее чувство. Если не получилось, то мир остановится.

— Ну же... — шепчет он, заметно волнуясь. — Пора, моя девочка... Ну же...

Эль смотрит, закусив губы, пытаясь подавить волнение. Но с каждым мигот надежда исчезает из его глаз. И когда он почти сдается, отстраняется назад, чувствуя, как отчаянье затапливает душу, комья земли начинают шевелиться, и между ними показывается грязная рука с обломанными ногтями.

— Я знал, что ты сможешь... — шепчет он и хватается за руку, вытягивая из-под земли рыжеволосую девушку в белом, заляпанном грязью платье.

— Если ты меня ждал, — шипит она, падая у могилы на колени и пытаясь отдышаться, — то какого демона не откопал и не помог открыть крышку? Я думала, не выберусь! Все ногти обломала!

— Ты должна была справиться сама, — выдохнув с облегчением, отвечает Эль, а Дайана поднимает на него пылающие красным глаза и спрашивает:

— Может, объяснишь мне, какого демона тут происходит?

Дайана

Боль утихает и превращается в беспомыслие. Умереть от рук любимого... в этом есть особая романтика. Только вот я никогда не была романтична. Поэтому борюсь до последнего. Я выпустила на волю монстра, и я должна отправить его обратно в бездну, а не умирать, истекая кровью где-то на краю света без надежды на спасение и без возможности узнать, к чему привела допущенная мною ошибка.

Но я смиряюсь. Каждому из нас отмерен свой срок. Поэтому совершенно не ожидаю, что в один миг беспомыслие прервется разрывающей болью в легких, в сердце, дикой жаждой и желанием убивать. Худшее воскрешение из всех, которые можно представить! Просыпаюсь внезапно и сразу понимаю: я другая. Нахожусь в крошечной темноте. Тут нет воздуха, но это не доставляет неудобства.

Я испытываю лишь жажду, злость и желание как можно быстрее выбраться. Пульсирующая агрессия и непонятное возбуждение заставляют меня лихорадочно шарить руками в узком пространстве и лупить по шелковой ткани над головой. Что, демоны всех забери, происходит? Где я? Почему так темно и тесно?

Меня что, похоронили? Это обстоятельство тоже не вызывает страха, только злость, и я начинаю биться сильнее. Меня пугает то, что сейчас основная моя эмоция — гнев. Причем не на Блэкфлая, который меня убил, а на обстоятельства. Очень непривычно, но времени анализировать свое состояние нет.

Именно ярость заставляет меня разломать крышку гроба. Ногти стали длинными и острыми, но я все равно обламываю их о качественную древесину. Дафна, что ли, не поскупилась? Она любит никому не нужный пафос, а мне преодолевай!

Мне не нравится мое воскрешение. Это неправильно и снова сулит неприятности. Они преследовали меня при жизни и, похоже, никуда не делись после смерти. Нет, я не хотела умирать. Там, в своей прошлой жизни. Но это был логичный и естественный финал. То, что происходит сейчас... Нет. Я слишком хорошо знаю, что это значит, но не лежать же в гробу, переваривая это знание? Нужно выбраться и задать много неприятных вопросов тому, кто обеспечил мне это посмертное существование.

Шелковая ткань рвется, доски над головой наконец трещат, и на лицо сыплются комья мороженой земли.

Я высовываю ладонь, за нее тут же хватается чья-то рука, и меня резко выдергивают из свежей могилы в морозную ночь. Звуки, запахи, холодный воздух бьют одновременно по всем органам чувств и дезориентируют. Дыхание вырывается с хрипом, меня трясет, голова кружится, и я чувствую себя потерянной, жалкой и злой. Хочется метнуться куда-нибудь в укрытие и там отсидеться, прийти в себя. Но, к счастью, я не одна. Встревоженный Эль, который мне и помог, совершенно не удивляет. Вот если бы его тут не было... Я бы, пожалуй, поразилась.

Я не идиотка и догадываюсь, что произошло. А вот мой верный соратник — идиот. Он рискнул сделать глупость, нарушить правила и подвергнуть опасности всех. Нельзя обращаться ведьму. Это известно всем. Меня убьют, и его тоже. Но, надеюсь, прежде я успею уничтожить Блэкфлая и исправить ошибки, которые допустила. Главное, не наделать новых.

Меня злит, что Эль ничего не понял. Блэкфлай — живое (ну хорошо, относительно живое) подтверждение того, что есть вещи, которые нельзя совершать даже во благо. Например, использовать себя как сохрон для демонов. Или обращаться ведьму в вампира.

На лице моего помощника такое незамутненное облегчение, что хочется ударить его сразу же. Вбить в глупую белобрысую голову понимание, к каким последствиям может привести его поступок. Было бы чему радоваться. Новым проблемам? Но я сдерживаю агрессивный порыв и спрашиваю:

— Какого демона ты натворил и почему не мог выбраться?

— Нам нужно уходить, — тихо говорит Эля и виновато улыбается, словно извиняется сразу за все. Как будто со мной это может сработать. Не срабатывало раньше, не сработает и сейчас. Пожалуй, я стала только злее. Не представляю существо, у которого после смерти характер становится лучше, чем был при жизни. В этом плане я, скорее, Пушистенка. И при жизни была не очень, а уж после смерти и подавно.

Вампир это понимает и ничего не говорит. Просто подает руку, предлагая уйти. Холода я не чувствую, зато ощущаю прилив энергии и запахи. Снега, хвойного леса, дыма костра вдалеке и едва заметный, где-то на горизонте, — крови. Он привлекает, будоражит и заставляет испытывать волнующее предвкушение.

Отпускаю руку Эля, поворачиваюсь в сторону запаха и вдыхаю полной грудью. Кажется, я знаю, куда мы пойдём. И мне начинает нравиться новая

жизнь. Чувствую, как губы сами собой расплзаются в улыбку. Прекрасно.

— Ди, нельзя! — одергивает меня Эль и выводит из своеобразного транса. В голосе беспокойство.

Как это мило... Только поздно. Он уже породил монстра.

— Пойдем, я тебя прошу. Обещаю, все будет. Пока ты слаба и плохо себя контролируешь. Позволь позаботиться о тебе. Карета тут недалеко.

— Позволь мне самой решать, кому и чего позволять, Эль! — шиплю я несколько уязвлено, но все же поворачиваю за ним, хотя и не хочу. — Не делай из меня идиотку, я не просила тебя о таком! — Я указываю пальцем на себя, не зная, как иначе обозначить состояние.

— Ди, давай уйдем и поговорим в безопасном месте, — с нажимом предлагает он, и мне хочется встать в позу.

Просто потому, что он не спросил меня, хочу ли я быть вампиром, а сейчас пытается что-то доказать и в чем-то убедить. Но я вовремя понимаю, насколько глупо себя веду. Я лохматая, грязная, в похоронном платье и легких туфлях. Мне нужен душ и постель. Это логично. Кровь тоже нужна, но рядом Эль, он лучше меня справится с этой проблемой. Так смысл упрямитесь, если можно во всем положиться на старого друга?

— А чем опасно это место? — Упираюсь исключительно из-за отвратительного характера, уже послушно двигаясь за вампиром. — Ты дал меня похоронить, ты позволил всем думать о том, что я умерла. Зачем? Чтобы оставить себе в личное пользование? Или я неверно понимаю?

— Ди, он тебя убил, и я не знал, что делать... — начинает оправдываться Эль. На лице тоска, в глазах — усталость. Он сейчас даже выглядит старше. — Обращение было единственным выходом оставить тебя здесь.

— Нет. — Я отрицательно мотаю головой. — Был еще один. Ты мог позволить мне умереть по-настоящему. И это было бы справедливо, правильно и избавило бы от многих проблем.

— Не мог... — тихо говорит он, и я едва сдерживаюсь, чтобы не ударить. Как он смеет думать о себе и своих чувствах, но плевать на мои желания? — Пожалуйста, — просит в очередной раз мой напарник. — Давай уйдем и поговорим. В ближайшее время тебе действительно лучше не жить среди людей. Дай себе время адаптироваться и привыкнуть к новому состоянию. Поверь, даже если тебе не по душе вампирская жизнь, она значительно лучше, чем смерть.

Странно, что Эль не понимает: как раз времени у меня нет. Раз уж я жива, нужно закончить начатое.

Перепадка действительно утомляет. Во рту появляется металлический привкус крови, и я плаваю. Видимо, Эль знает, о чем говорит, и лучше, чем я сама, понимает, что со мной происходит. Поэтому я позволяю увести себя с погоста. Правда, перед тем как уйти, поворачиваюсь и сосредотачиваюсь. Больше всего я боюсь утратить возможность колдовать. Но переживаю зря, все получается. Даже проще, чем обычно. Комья земли возвращаются на место. Парашасов — и никто не поймет, что я выкопалась.

Не знаю, почему стремлюсь это скрыть, но разворошенная могила смотрится как-то совсем неэстетично. Хотя скрывать воскрешение от своих сокурсников я точно не собираюсь. У меня много вопросов, особенно к некоторым из них. И я непременно их задам, как только пойму, как существовать в этом долбаном новом качестве!

От мысли, что придется постигать с нуля многие вещи, становится тоскливо. Я снова, как и много лет назад, наивный новичок, который должен научиться быть лучшей. Другой я просто не умею.

Порошит снег, падает на нос, и я чувствую, что снежинки не тают. Наверное, я все же умерла. Движение, разговоры, попытки сопротивляться — это просто агония. Я смотрю на захоронение, которое должно было стать моим последним пристанищем, и испытываю смешанные чувства. Отсюда начина-